

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-114

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ЯЗЫКЕ

канд. филол. наук, доцент М.Д. ПУТРОВА

Представлены результаты кросс-культурного изучения реализации звука /h/ в английском и американском и отчасти соотносимых с ними звуков /г, г'/, /з, з'/ в соответственно русском и белорусском аутентичном коммуникативном поведении. Доказывается, что вербальный образ гендера создается количественными характеристиками, при этом стремление к норме является наиболее заметной общей отличительной чертой вербального поведения женщин.

Стремясь внести перемены в гендерные исследования языка, некоторые современные исследователи обратились к идеям постструктурализма. Не полностью принимая крайние, радикальные взгляды некоторых его представителей, они, тем не менее, разделяют многие выводы исследователей данного направления о языке. В частности, одобряют их попытки возродить говорящего субъекта как объект лингвистики [1, с. 25 – 32]. Сказанное особенно справедливо о тех, кто сосредоточивает свои усилия на изучении репрезентации гендера языковыми средствами. Язык такими исследователями понимается как главная территория, на которой разворачивается формирование гендерной идентичности. Они отклоняют как неверное понятие статической, неизменной, раз и навсегда заданной идентичности и трактуют ее (то есть идентичность) как нечто дискурсивное, постоянно находящееся в состоянии развития и поэтому в той или иной мере меняющееся, разнообразное, плюралистичное. При таком подходе гендер рассматривается как процесс. А опосредованное языком (письменным или устным) коммуникативное поведение трактуется как то поле, на котором и совершается данный процесс. Коммуниканты в таком случае, участвуя в определенных дискурсивных практиках, занимают некие позиции в качестве гендерно маркированных субъектов. Такой подход отказывается от традиционных категоризаций и является существенным шагом к постижению того, как участвующая в коммуникативных действиях личность создает или обозначает свою гендерную идентичность, то есть маркирует себя как представителя определенного гендера.

В качестве средств, по-разному используемых представителями разных гендеров, можно назвать уменьшительно-ласкательные формы, плотность или распределение восходящих и нисходящих тонов. Не менее эффективными могут быть и особенности произношения, которые, несмотря на кажущуюся случайность, вносят весомый вклад в общую мозаику гендерных обозначений личности.

В данной статье представлены результаты кросс-культурного изучения реализации некоторых звуков в коммуникативном поведении русских, белорусов, англичан и американцев, а именно: звука /h/ в английском и американском и /г, г'/, /з, з'/ в соответственно русском и белорусском (табл. 1). Названные звуки выбраны потому, что их реальная манифестация отличается значительным разнообразием и далеко не укладывается в те предписания, которые предусматривают произносительные нормы соответствующих языков. Наша гипотеза состояла в том, что среди имеющихся вариантов употребления данных звуков могут быть и те, которые продиктованы гендерной принадлежностью коммуникантов и которые как раз и способствуют появлению гендерной маркированности в вербальном поведении личности. Задача работы заключается в том, чтобы, по возможности, установить, как такая маркированность достигается с помощью указанных звуков.

Таблица 1

Индекс употребления звуков /h/, /z/, /z'/ в чтении, официальном и непринужденном общении

Индекс	Образование	Чтение		Официальное общение		Непринужденное общение	
		жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.
/h/ в английском	Университет	0	0,5	1,25	5	2,5	7,5
	Колледж	0,5	1	5	7,5	7,5	10
	Средняя школа	0,5	4	6	9	10	18
/h/ в американском	Университет	0	0,75	1,25	4	2,5	8
	Колледж	0,5	0,75	4	8	14	15
	Средняя школа	3,5	4	8	10	14	25
/z, z'/ в русском языке белорусов	Университет	9	20	8	24	37,5	57,5
	Колледж	17,5	21	23	35	50	62,5
	Средняя школа	20	30	25	40	55	70

Табл. 1 представляет собой употребительность указанных звуков в определенных видах коммуникативного поведения – чтении, официальном, формальном общении и свободном говорении в кругу дру-

зей или близких. Данные представлены с учетом уровня образованности коммуникантов – фактора, который в значительной мере определяет особенности произношения говорящих. Приведенные в таблице данные для звука /h/ являют собой количество пропусков или непроизнесений данного звука в процентном отношении к общему количеству его встречаемости в тех позициях, в которых его пропуски не допускаются произносительной нормой. Соответственно цифры для /z, z'/ и /r, r'/ являются соотносительными данными отклонения от соответствующей нормы.

Рассмотрим подробнее представленные в табл. 1 звуки. Вспомним, каким должно быть произношение звука /h/. В соответствии с описаниями фонетистов, /h/ представляет собой глухой согласный звук, обычной позицией реализации которого является начало слога. Поэтому его можно интерпретировать как сильное, придыхающее, безголосое начало следующего за ним гласного. При его произнесении воздух поступает из легких под значительным давлением, в результате чего имеет место некоторое трение по всему речевому тракту. При этом артикуляционный аппарат готовится к произнесению следующего за /h/ звука, принимая соответствующую ему форму, что выражается в позиции языка, губ, конфигурации фаринкса [2, с. 174]. Поэтому фрикативность звука /h/ каждый раз имеет свои особенности, определяемые последующим гласным: /hi:/, /hɒ/, /hu:/ etc. Кроме того, в соответствии с существующей нормой в английском языке нет дистриктивной оппозиции по звонкости / глухости для звука /h/.

В реальном коммуникативном поведении, однако, можно услышать несколько озвонченный или даже звонкий аллофон /h/ в срединной позиции между другими звонкими звуками, например, в словах «manhood, womanhood, boyhood, anyhow» и т.п. Хотя, безусловно, полностью звонкий или почти звонкий варианты встречаются относительно редко. В такой манере произношения сильный поток воздуха при продуцировании /h/ сопровождается вибрацией голосовых складок, давая в результате некий звонкий гортанный фрикативный ɦ.

Анализ фрагментов аутентичного вербального поведения позволил получить данные, которые имеют некоторую гендерную специфику. Как видно из табл. 2, общее количество отклонений от нормы, когда глухой /h/ заменяется на его в той или иной мере звонкий аллофон, сравнительно незначительно. Но встречаются они все-таки чаще в мужском говорении.

Варианты произнесения звука /h/

Таблица 2

Варианты	Глухой		Слегка озвонченный		Звонкий	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Английский	67	97	20	3	13	–
Американский	85	92	9	6	6	2

Описанное отклонение от общепринятой нормы не исчерпывает особенности реализации данного звука. Главная трудность состоит в том, что реально звук /h/ произносится далеко не во всех словах, которые имеют его в написании. В частности, его, фактически, можно не произносить в начале слова, как, например, это сделано в следующем фрагменте аутентичного коммуникативного поведения: «I did, I told (h)im about that». Хотя в целом такие пропуски считаются знаком просторечия и недостаточной образованности коммуникантов. На самом деле, однако, правила употребления звука /h/ несколько сложнее, чем просто констатация недопустимости его опущения в речи.

В соответствии с существующей нормой данный звук обязательно должен произноситься в начале существительных, глаголов и прилагательных. А также местоимений и вспомогательных глаголов, если они, то есть местоимения и вспомогательные глаголы, находятся под ударением [2, с. 174]. В соответствии с отмеченным правилом данный звук можно опустить, если местоимение или вспомогательный глагол, в которых он реализуется, находится в безударной позиции. Так, «I could have hit her» обычно звучит как /aɪ kəd əv ˈhɪt ə/. Последнее ограничение весьма существенно, так как в английском языке имеется ярко выраженная тенденция соединения конечного согласного предшествующего слова с начальным гласным последующего. Поэтому «hadn't» в «I hadn't heard», согласно общепринятой норме, не допускает выпадения /h/, ибо «hadn't» не следует за словом, оканчивающимся на согласный, с которым можно было бы соединить «adn't».

В аутентичном свободном общении, тем не менее, нетрудно было обнаружить пропуски /h/ именно в таких позициях: «I (h)alf bumped into (h)im», «in the house» /ɪn ði ˈaʊs/ и т.п. В речи мужчин такие явления встречаются чаще. Словами-чемпионами такого рода в нашем экспериментальном материале оказались (h)otel, (h)igh, (h)istorical. Даже в чтении у некоторых испытуемых-мужчин фрагментарно пропускать /h/ в данных словах, например: (H)otelling also robs workers of a crucial hub. To complete the '(h)otel' feel of the workplace, there are also staff ready to perform concierge duties of the workers.

В результате представленной манеры вербального поведения слова с 'h' в начале слова звучат, как будто они начинаются с гласного звука. В частности 'hit' звучит как /ɪt/, 'hotel' превращается в /ə(v) tel/. В итоге исчезает значимое различие между 'it' и 'hit', 'ill' и 'hill', 'air' и 'hair', 'harm' и 'arm', 'high' и 'eye'.

Представленные в табл. 1 данные показывают, насколько реальное вербальное поведение мужчин и женщин в Англии (главным образом, в Ноттингеме) и США (главным образом, в штате Индиана) отличается от произносительных норм в отношении обсуждаемого звука. Приведенные данные позволяют заключить, что звук /h/ есть, в сущности, важный штришок к портрету языковой личности, выявляющий уровень ее образования и вытекающее из него положение в обществе. Но он маркирует вербальное поведение мужчин и женщин по-разному. Более низкий социальный статус и образование женщин обнаруживается с помощью данного штришка в значительно меньшей степени, чем мужчин, как и с помощью другого отклонения от нормы, когда /l/ или подобный ему звук, то есть некий фарингальный фрикативный согласный, реализуется перед гласным звуком после артикля, как это было зафиксировано в произнесении 'the end', который в таком варианте звучит как /ðə ˈbɛnd/, 'the act', превращается в /ðə ˈbækt/, 'an egg' может прозвучать как /ə ˈhɛg/. Кроме того, некоторым коммуникантам бывает свойственен совсем необычный вариант опущения звука /h/, когда вместо разделяющего или функционирующего в качестве сигнала начала слова (слога) звука /h/ реализуется достаточно явственно звучащий твердый приступ или, как вариант, некий слабый звук, возникающий ввиду сужения в гортани перед произнесением последующего гласного звука, например, the hospital /ðə ˈhɒspɪtəl/, a hill /ə ˈhɪl/, etc. Встречаемость такого произношения, допускающего некий звук, образуемый в голосовой щели также, в общем, имеет гендерную специфику. Табл. 3 показывает частотность произнесения в той или иной степени явственно звучащего твердого приступа вместо /h/ и наличие /h/ в тех позициях, которые не предполагают его присутствия в начале слова.

Таблица 3

Соотносительный процент употребления твердого приступа /ʔ/ в позициях для /h/ и интрузии звука /h/ (появление его в нелегитимных позициях)

Варианты	Твердый приступ вместо /h/		Интрузии звука /h/	
	муж.	жен.	муж.	жен.
Американский	8	2,25	7,5	2,5
Английский	5,5	2,75	5	2,5

Если теперь проследить, как коммуниканты – мужчины и женщины – ведут себя в пределах нормы, то есть как часто они используют свое-право не произносить звук /h/ в определенных позициях, то можно быстро убедиться, что мужчины легко превосходят женщин по общему количеству «легитимного игнорирования» звука /h/. В нашем экспериментальном материале такое соотношение составило 22,5 против 52,5 %. В качестве примера можно привести данные анализа ряда интервью известной программы BBC «Hard Talk». Один из журналистов программы Т. Себастьян имеет обыкновение поставить интервьюируемого им гостя в предлагаемые обстоятельства с помощью вопроса «What would you (h)ave done if...», чаще всего опуская /h/ во вспомогательном глаголе 'have'. Гости-мужчины отвечают ему исключительно в той же манере: 'What I would /əv/ done is obvious'. Или: 'What I would /əv/ done, doesn't matter at all'. Или: 'I wish I knew what I would /əv/ done'. Женщины также могут прибегнуть к редуцированному варианту, хотя, примерно в 42,5 % случаев в анализируемых интервью они предпочитали сохранить звук /h/ и произносили его даже отвечая на те вопросы журналиста, в которых звук /h/ отсутствовал, практически, в той же позиции. Например:

- I would have first of all sit up and think.
- Well, I would have said nothing to that.
- I think I would have done the same.

Если принять во внимание данные анализа всех записанных фрагментов аутентичного поведения, то окажется, что мужчины более чем в два раза чаще пользуются правом пропуска звука /h/.

Интересно отметить также, что в записанных нами коммуникативных актах оказалось несколько фрагментов, в которых женщины проявляют заботу о правильности произнесенной ими или их собеседниками речи. Вот только некоторые из них:

А. Яна: Слухай, ось ты кажаш 'дыялэг... дыялэг... лэг'. Гэта што, так і трэба?

Ён: Так і трэба.

Яна: А чаму? Хто сказаў?

Ён: Як хто? Я, напрыклад.

Яна: Ну дык ты! А хто яшчэ? Па радыё так не размаўляюць!

Б. Mother: And where will you live there?

Son: At some /əv`tel/ I think.

Mother (correcting): /həv`tel/.

Son: Yep, at some /əv`tel/.

При этом женщины оказались более восприимчивы к замечаниям по поводу их речи или следовали предложенному варианту, или отмалчивались. Мужчины же или отвечали молчанием, или иногда настаивали на своей манере вербального поведения, как это видно из примеров Б и В.

Если мы теперь обратимся к той части табл. 1, которая представляет встречаемость белорусских фрикативных /z, z'/ в русской речи белорусов Полотчины, то есть, когда они говорят по-русски, то увидим, что женщины опять-таки более тщательно соблюдают норму. В частности, в ответственных официальных ситуациях нами почти не были зафиксированы фрикативные звуки вместо взрывных русских /г, г'/ у женщин. Кроме того, в целом ряде случаев женщины тут же исправляли себя, если забывались. Мужчины же, даже выступая по телевизору, в официальных дебатах, могут свободно употреблять белорусские фрикативные /z, z'/ вместо русских взрывных /г, г'/.

В настоящее время русский на Полотчине у значительного количества коммуникантов-белорусов отличается от русского аутентичных носителей языка и может рассматриваться как его региональный вариант. Именно он и является основным языком для большинства жителей Полотчины. Его то они и используют во всех ситуациях общения. При этом фрикативный звук /z/ повсеместно интерпретируется как знак белорусского происхождения коммуниканта, то есть как дистинктивный признак белорусскости. Интересно отметить, однако, что типично белорусские фрикативные /z, z'/ изредка можно зарегистрировать также в вербальном поведении некоторых русских жителей Полотчины. В частности, русские коммуниканты-мужчины могут иногда произносить звуки /г, г'/ на белорусский манер. Такая особенность их вербального поведения наблюдается несравнимо реже, чем у белорусов, и только в определенных обстоятельствах – когда они говорят в тесном кругу своих сплоченных коллективов, членами которых являются десятилетиями. При этом коммуникативную основу такого коллектива составляют белорусы, как правило, выходцы из близлежащих деревень, то есть жители города в первом поколении. Тогда некоторые, особенно важные для общения в данной группе, слова могут быть произнесенными на белорусский манер даже русскими коммуникантами. Сказанное особенно справедливо в отношении слов «грошы», «гарэлка» и реже «газ», «гуляць» (особенно в ставшей весьма популярной фразе «гуляць дык гуляць»).

Представляется важным отметить, что нам не удалось зарегистрировать фрикативные /z, z'/ в речи русских женщин на Полотчине, какой бы стиль общения мы не брали. Единственное исключение составляют моменты особого куража, когда собеседницы стремились подчеркнуть белорусский колорит ситуации. Кроме того, женщины не только сами предпочитают норму, но и активнее, чем мужчины, поддерживают нормативное произношение других коммуникантов. В частности, белорусский акцент участников конференции в России (в Москве, Воронеже, Твери) немедленно замечается всеми русскими представителями как мужчинами, так и женщинами. Однако женские реакции обычно несколько другие. Мужчины просто интересуются, откуда родом участники с необычным говором, в то время как некоторые женщины в личной или непринужденной беседе пытаются объяснить ошибки в произношении белорусов и помочь им их исправить.

Более того, в ходе эксперимента были обнаружены русские женщины на Полотчине, которые проявляют озабоченность тем, какой именно белорусский язык их сыновья и дочери пытаются усвоить в качестве одного из обязательных предметов в школе. Они настаивают, чтоб их дети усваивали действительно нормативный язык, а не повсеместно употребляемый вариант «трасянки». То есть владение нормой представляется им важным даже в отношении, практически, неродного языка.

Истинно белорусский язык является большой редкостью на Полотчине. В настоящее время его используют как средство общения весьма небольшой процент высокообразованных коммуникантов. Их можно разделить на две основные группы: 1) те, кто с детства общается на белорусском языке ввиду определенных профессиональных или каких-либо других интересов; 2) те, кто начал учить его относительно недавно, практически с самого начала и поэтому общаются на нем относительно непродолжительное время: 5 – 7 лет.

Для коммуникантов первой группы звуки /z, z'/ никакой трудности не составляют. Вместе с тем, есть группа слов, которые оказались камнем преткновения даже для значительного количества белорусов данной группы, использующих белорусский для общения. Возьмем следующий характерный фрагмент их аутентичного коммуникативного поведения.

В. М. – Ну і год! Такой засухі, бадай, што ніколі не было.

Ж. – І я не ўспомню.

М. – Нічога не расце, нават /z'/ірса.

Ж. – Нават што?

М. – /z'/ірса, трава такая, па жыцце што расце.

Ж. – Ты хочаш сказаць /г'/ірса?

М. – /z'/ірса! Я ж і кажу, што /z'/ірса.

Из данной группы слов (нягеллы, мазі, гузік, гонт, и т.д.) наиболее благополучными в нашем эксперименте оказались «швагер» и «швагерка». В остальных вместо /г, г'/ белорусы могли произносить фрикативные /z, z'/.

Исключение составляет только вербальное поведение учителей белорусского языка или тех, для кого белорусский представляет какой-нибудь другой профессиональный интерес. Вместе с тем, произношение слов данной группы коммуникантами-женщинами, опять-таки, оказалось более ориентированным на нормы. Если принять за 100 % все ошибки в произношении обсуждаемых слов, то на долю женщин приходится менее трети – 27,5 %.

Значительно более «живописной» в плане произнесения звуков /z, z'/, /r, r'/ во время общения на белорусском языке является речь «новых» белорусов, то есть тех жителей города, которые по каким-то причинам решили вернуться к белорусскому языку. Практически, выучив его заново, они теперь пытаются использовать его в качестве средства общения. Такие коммуниканты представляют собой относительно многочисленную группу, и многие из них имеют массу проблем с произношением белорусских звуков. Описываемые /z, z'/ являются только одной из таких проблем. В их речи зафиксирован целый ряд разных отклонений от нормы при произнесении слов, включающих звуки /z, z'/, например: беларускаа, якоа, беларускава и даже беларускаха, етаха, эта(х)а, якоха вместо якога, гэтага. Мы объединили их всех в одну группу «отклонений от нормы». И опять мы получили значительно больше примеров отклонений именно в мужском вербальном поведении, что несколько удивительно, ибо мужчины данной группы не менее женщин выражают желание говорить на хорошем белорусском языке и даже намного более публичны в своих желаниях. Пытаясь выяснить причину данного феномена, мы даже сформулировали было гипотезу о том, что более частотные нарушения нормы в мужском говорении есть результат их более творческого, метафорического использования языка. В дальнейшем пришлось отказаться от данной гипотезы, ибо в нашем эксперименте и мужская, и женская речь могли быть яркой и точной, хотя зачастую по-разному. Мужчины чаще отклоняются от нормы, стремясь к новым свежим высказываниям, сравнениям. В то время как женщины больше действуют в соответствии с известной установкой Щербы: чтоб понять всю прелесть отклонения от стиля, надо сначала точно уяснить и усвоить, в чем стиль состоит, запечатлеть его норму. Отклонений в женской речи, действительно, меньше, но именно поэтому они весьма заметны. Так, русские женщины Полотчины, стремясь отразить белорусский колорит ситуации, могут внезапно имитировать только несколько характерных черт вербального поведения белорусских коммуникантов, например, вместо взрывного /r/ произнести в ряде случаев фрикативное, что и было зарегистрировано во время записи аутентичного коммуникативного поведения на Полотчине.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что полученные данные говорят о большей традиционности, нормированности женской речи. Они указывают также на то, что наиболее общие различия между гендерами имеют количественный характер. Что действительно имеются предпочтения в употреблении, которые можно соотнести с мужской и женской речью.

Тем не менее, всегда ли правомерна такая поляризация на только два типа коммуникантов, представляющих соответственно мужчин и женщин? Тем более, что есть же и обширнейшие зоны совпадения.

Рассмотрение каждого коммуникативного события или речевого акта в отдельности и попытка выявить плотность исследуемых вариантов произнесения звуков /h, z, z', r, r'/ позволили получить несколько иную картину данных. Было выявлено, по крайней мере, несколько вариантов коммуникативной идентичности как среди мужчин, так и среди женщин.

Прежде всего, легко идентифицировались типы, которые стремились к норме. Их произношение и употребление анализируемых звуков отличалось традицией, соответствующей данной культуре нормой. И хотя женщин в такой группе оказалось почти в два раза больше, абсолютными чемпионами все-таки не всегда были женщины. Отличительной чертой всех коммуникантов данной группы является очень высокий уровень образования, который у самых ярких представителей был традиционно высоким для их семьи. То есть образование оказывается сильнейшим нивелирующим фактором, в том числе и в отношении обсуждаемых звуков.

Вторую группу составили те коммуниканты, вербальное поведение которых оказалось недостаточно четко маркированным, чтобы быть причисленным к любой из выявленных нами групп, то есть которые только частично обнаружили те или иные тенденции в произношении и употреблении.

Третью группу образовали те, которые часто предпочитали свойственный их (иногда достаточно узкой) группе профессиональных, общественных или повседневных контактов вариант исследуемых звуков, то есть так или иначе отклонялись от нормы. Мужчины, как явствуют данные табл. 1 – 3, составляют большинство в данной группе. Коммуникантов-женщин здесь значительно меньше и они достаточно четко разделяются на две подгруппы:

а) те, отклонения в произношении которых не подкрепляются критическим количеством других, относительно мужских черточек, каковыми, например, является реализация более типичных для мужчин эмоций или, наоборот, общая неземциональность речи, определенная частотность ровных и четко обозначенных завершений, громкость, общее количество говорения, употребительность определенных обозначений себя, уменьшительно-ласкательных суффиксов и т.п.;

б) те, которые следуют мужской вербальной линии поведения. Количественно их было меньше всего, особенно среди белорусских и русских участниц. Американок же, выбирающих общую мужскую линию поведения, все-таки было больше. И в контексте других относительно мужских деталей их поведения характерная для мужчин употребительность звука /h/ может интерпретироваться несколько иначе.

В четвертую группу вошли те, показатели которых, практически, не отличались от показателей второй группы, но плотность их распределения была другой, а именно: крайне неравномерной, потому что в ряде ситуаций коммуниканты могли внезапно менять свою манеру произнесения анализируемых звуков и пытаться следовать другим произносительным нормам, как это часто делали белорусские жи-

тельницы Полотчины, разговаривая по-русски в официальной обстановке. Другим примером таких изменений является склонность некоторых девушек в определенной степени имитировать манеру говорения собеседника, если последний в их глазах имеет определенный вотум почитания. Далеко не все звуки можно как-то модифицировать в таких ситуациях, но, как показывают данные анализа, количество пропусков звука /h/, твердый приступ вместо /h/, фрикативные /z, z'/ вместо русских /г, г'/ и наоборот относятся именно к той группе характеристик речи, частотность появления которых коммуниканты могут изменять.

В пятую группу вошли те коммуниканты, в речи которых нормативные показатели анализируемых звуков сочетались с другими относительно гендерно дистинктивными чертами.

В нашем эксперименте основная масса мужчин оказалась сосредоточенной во второй, третьей и пятой группах, женщин – в первой, четвертой и пятой. Хотя не оказалось ни одной, состоящей только из женщин или только из мужчин. Однако если мужское следование относительно женской манере вербального поведения воспринимается в целом нейтрально, то свойственное мужчинам вербальное поведение в женском исполнении далеко не так безобидно, на наш взгляд, во всех анализируемых культурах. Наибольшую лояльность к нему проявляют все-таки американцы. Наименьшую – русские и белорусы, причем особенно женщины. То есть ожидания слушателя во всех культурах при восприятии женской речи нацелены на норму (общую или сугубо женскую). Представленная мозаика показывает, насколько по-разному реально употребляют язык мужчины и женщины, выбирая или усваивая один из приемлемых вариантов коммуникативного поведения в данной культуре, что прослеживается даже на примере анализируемых звуков. Вместе с тем, общая тенденция к большей нормативности речи в женском коммуникативном поведении все-таки прослеживается весьма однозначно. Что невозможно отрицать, даже если иметь установку недопущения каких бы то ни было поляризаций.

Женская приверженность норме подтверждается и целым рядом других исследований. Самыми известными среди них являются труды о социальной дифференциации языкового употребления в Нориче, согласно которым женщины чаще употребляют социально более престижные формы, чем мужчины [3]. Аналогичные данные представили В. Лабов [4] и Дж. Коутс [5], убедительно показавшие, что женщины предпочитают более престижные варианты во всех классах и группах населения. То есть при самых разных подходах женская речь оказывается более соответствующей стандарту, той форме, которая считается в данной культуре престижной и поддерживается кодифицирующими институтами общества. Почему же такая закономерность имеет место? И прослеживается даже тогда, когда исследователь стремится рассматривать объект в русле плюралистических тенденций? Как отмечает В. Даунс, результат достаточно ясен, а вот объяснения фактов употребления представляются весьма проблематичными [6, с. 36]. Д. Камерон и Дж. Коутс, как и многочисленные другие исследователи в области гендерной лингвистики, говорят, что имплицитно сам факт поиска объяснений указывает на неравенство, на то, что реальной нормой является все-таки мужская речь, иначе непонятно, почему критикуют за следование норме [7].

Самыми популярными на сегодняшний день являются интерпретации в терминах статуса. Они прослеживаются в работах В. Лабова [4] и особенно П. Траджила [3] и П. Фишман [8]. В названных интерпретациях нормативность женской речи объясняется сквозь призму подчиненной роли женщины в обществе и считается отражением отсутствия у нее властных полномочий в обществе. Постулируется, что социальный статус в современном обществе, главным образом, определяется родом деятельности личности и утверждается, что мужчины обычно имеют непосредственную возможность заняться престижными видами деятельности. Женщины, в целом, такого доступа к престижной деятельности не имеют. И стремятся возместить отсутствие реальной власти соответствующим высокому статусу коммуникативным поведением, неотъемлемой частью которого является правильная, кодифицированная речь. Что подтверждается не только более соответствующим норме вербальным поведением, но и тем, как женщины сами интерпретируют свою речь. Последняя обычно кажется им соответствующей норме даже тогда, когда это далеко не так, в то время как мужчины себя недооценивают. Аналогичная тенденция проявилась и в нашем эксперименте, особенно в отношении пропусков звука /h/. Оценивая свою речь, испытуемые-мужчины готовы были признать возможность отклонений от нормы в принципе. Так, ряд белорусов охотно согласились, что вместо русских взрывных могут употреблять фрикативные /z, z'/, а англичане допускали возможность пропуска /h/ в каких-нибудь нелегитимных позициях. Однако если в аутентичном коммуникативном поведении случались ситуации, когда собеседники, как правило женщины, указывали на некоторые ошибки, реакция менялась. Мужчины или отмалчивались, или не замечали своих ошибок, или, реже, настаивали на своем. Женщины же конкретные замечания, в основном, рассматривали всерьез.

Итак, произносительная норма оказывается далеко не нейтральной в плане формирования гендерной идентичности. В чем причина? Действительно ли интерпретации в терминах власти настолько всеобъемлющи и исчерпывающи, как это представляется в исследованиях гендера и социальной вариативности сегодня? Ведь даже поверхностные наблюдения показывают, что это далеко не так. Во всяком случае, на современном этапе развития анализируемых культур. Ибо если это так, то почему достаточно многочисленны случаи, когда женщины, особенно девушки, избегают властных полномочий, боясь потерять нечто, что представляется им гораздо более значимым в их иерархии ценностей?

Кроме того, почему они, будучи так нацеленными на норму, забывают о правилах, запрещающих эмоциональность в коммуникативном поведении личности? То есть фактически отходят от нормы?

И почему женщины, наделенные реальной властью (мэры городов, министры, даже премьер-министры и государственные секретари), тоже предпочитают кодифицированный язык и не уповают на свой статус?

И почему, наконец, мужской тип вербального поведения в женском исполнении оказывается таким непривлекательным для многих испытуемых? Может быть, осторожное отношение в обществе к властной и энергичной манере коммуникативного поведения, если ее реализует женщина, помимо всего прочего, является все-таки указанием на то, что параметр власти никак не может быть единственно возможным объяснением. И что в соответствии с требованиями современных исследователей требуется плюралистический подход прежде всего в объяснении причин многообразия гендерных различий.

Сам выбор нормы, на наш взгляд, может быть в известной мере обусловлен соотношением качественных и количественных характеристик речи. Последние могут существенно модифицировать качественные показатели вербального поведения. Вовсе не безобидным является в этой связи общее количество говорения личности. Как известно, последнее является одним из самых дистинктивных маркеров гендера. Мужчины говорят намного чаще и дольше! [9, с. 81 – 85]. Напротив, слушание – весомая деталь женского коммуникативного поведения. Последнее вовсе не пассивный процесс. Оно способно внести коррективы в акты речетворчества. Слушание дает возможность коммуникантам лучше сравнить, понять, выбрать и усвоить наиболее оптимальный вариант. Представляется, что именно молчание, слушание исторически способствовало тому, что женщины чаще стремятся к традиционной норме в произношении.

Какие же доводы в пользу нормы видят женщины, слушая, сравнивая и сопоставляя? Вот как об этом говорят сами испытуемые, размышляя о норме (их мнение приводится в порядке частотности):

- 1) правильная речь красива (О! Она очень привлекательна.);
- 2) все ее понимают, ее одобряет общество, все на ней разговаривают, она традиционна;
- 3) такое общение никого не обижает, всем нравится, никого не задевает;
- 4) норма вносит порядок в общение, позволяет лучше сформулировать мысль;
- 5) я просто так хочу, или мне так больше нравится;
- 6) так само получается, «я не знаю», затрудняюсь ответить;
- 7) следование норме эффективно, полезно с точки зрения достижения целей общения;
- 8) уважаемо в обществе;
- 9) позволяет лучше реализовать цел(и) жизни.

Как видим, обобщение полученных данных только с точки зрения параметра власти весьма проблематично. Игнорирование многообразия причин представляется недопустимой ошибкой. Плюралистичность реализаций гендерных черт основывается прежде всего на разнообразии главных установок и потребностей. Перефразируя известные слова Бахтина, можно утверждать: вербальное коммуникативное поведение предполагает не только адресата и адресанта, но и еще кого-то третьего – бога, мотива, основания, общего принципа, который и руководит всеми действиями по достижению цели. Вот этот общий принцип для каждой культуры, даже группы внутри культуры плюралистичен. В результате мы имеем разное проявление требований нормы в произнесении анализируемых звуков, отклонение от нее в пользу определенных традиций более узкой группы, изменение произносительных предпочтений одним и тем же коммуникантом в зависимости от значимых для него (нее) общих принципов организации своего коммуникативного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kristeva J. The System and the Speaking Subject / The Kristeva Reader / T. Hoi (Ed). New York: Columbia University Press, 1986. – P. 25 – 32.
2. Gimson F.C. and Cruttenden F. Gimson's Pronunciation of English. Edward Arnold: L, New York, Melbourne, Auckland, 1994.
3. Trudgill P. The Social Differentiation of English in Norwich. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.
4. Labov W. Sociolinguistic Patterns. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.
5. Coates J. Women, Men and Language. 2nd ed-n. Harlow: Longman, 1993.
6. Downes W. Language and Society. Cambridge University Press, 1998.
7. Cameron D. and Coates J. Some Problems in the Sociolinguistic Explanation of Sex Differences. Coates J. and Cameron D. (eds), Women in their Speech Communities, London: Longman, 1998.
8. Fishman P. Interaction: the Work Women Do. Barrie Thorne, Cheris Kramarae and Nancy Henley, eds, Language, Gender and Society, 1983.
9. Путрова М.Д. Гендерный аспект молчания / Стратегии коммуникативного поведения. Ч. II. – Минск, 2001.